

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Ленинград, 26.3.69

Энвер! Друзе и братан!

Все твои письма получил. Не сетуй за молчание, ждал для тебя хоть какого-то результата. Буду краток. Сейчас лежу без движения, воя от боли, пишу, еле-еле держа ручку. Дела мои – хана. Снова схватило позвоночник. Две недели лезу на стену. Впереди – темно. Скоро меня загребут в госпиталь. Впереди безнадёжная операция (повторная). А там...

В случае чего лихом меня не поминай. Я тебя любил искренне. Мой тебе старшебратский совет: ... всячески береги свой талант. Он у тебя несомненен. Помни: он не твой, отдай его земле и людям. Он должен приносить радость другим. И ещё. Постарайся остаться человеком, чего бы это ни стоило, как бы тяжело это не было. Без Человека поэту нельзя. И не будет Его. Понял? Улыбнись? Я те улыблоюсь! Нельзя, говорят тебе. И не распыляйся. Работай. Да ты и сам знаешь.

Всё это говорю тебе, ибо знаю: точно в этом ключ к успеху. Это не нравоучения солдафона, а, (на всякий случай) тихий совет братский, повертевшегося на вилах старика-Григорьева.

... Работай как чёрт, жми на стихи. И знай, что это тебе не бирюльки, а жизнь и кровь, душа и мясо. Пиши, пиши, пиши! И не спеши. Вынашивай. Вынянчивай. Выпестывай строки. Я верю, что будет на нашей земле золотой поэт – Энвер Жемлиханов. Верю. И так будет! Иначе как же?

... Друзе! Ещё раз: крепко работай и буди в себе человека. Ты можешь быть поэтом милостью божей...

... Не был бы так крепко болен, не написал бы тебе такого письма. А теперь боюсь – не опоздать бы. И написал.

Игорь Григорьев.

P.S. Смотри, старина, не дури. Дурость из башки выкинь! Работай, учись, живи! Кожу с себя спусти, а будь, будь, будь кем и есть, кем и должен.

Крепко верю.

Твой Игорь.

БАБЬЕ ЛЕТО

Венок сонетов

Игорю Григорьеву

I.

Сегодня даль светлым-светла.
Светлей, пожалуй, не бывало.
Заряна, вспыхнувшая ало,
С низин туманы увела.

Вдыхаю на краю села
Забытый запах сеновала.
Ботва картофеля завяла.
Но кое-где не отцвела.

Да славься, страдная пора!
Настой тепла, добра и света.
Польнь сошла на край кювета,
Мурлычут в поле трактора.
Оттенков радужных игра.
Все это праздник – бабье лето!

II.

Все это праздник – бабье лето...
Росой усыпана трава,
Едва мерцает синева,
Теплом последним разогрета.

Так, за приметой примета
Легко слагаются в слова:
У клена светится листва,
В рубин рябина разодега;

И синь в озерной глубине,
 И стынь – еще далеко где-то,
 И грусть плывущего привета
 Дотаивает в вышине.
 И наяву, но как во сне –
 Купель торжественного света.

III.

Купель торжественного света
 Вздывает лето надо мной.
 Тишь паутиною-струной
 В проушко солнечное вдето.

Церквушка – памяти примета –
 Вдали сверкает белизной.
 В сырой лощине дух грибной
 И солнца круглые монеты.

Таинственный глазок дупла
 За мной сторожко наблюдает.
 Зазя жилец переживает:
 Ему я не желаю зла.
 Иду, и душу омывает
 Печаль прощального тепла.

IV.

Печаль прощального тепла
 Нам нашу память окрыляет.
 Светлей печали не бывает,
 И счастлив, коль она была!

Услышишь тихий плеск весла –
 И сердце что-то вспоминает,
 Само себя терзает, мает,
 А память – будто умерла!

Но вот знакомое, родное
 Прошепчет старая ветла, —
 В сознание отступает мгла.
 И — растворишь окно резное
 В настой полуденного зноя.
 И память снова ожила!

V.

И память снова ожила
 Здесь, где когда-то юность пела.
 Над бабьим летом солнце спело,
 Звенела высь в колокола!

Страда кипела и звала.
 В работе всем хватало дела.
 Не зря спина деревянела, —
 Не мог и встать из-за стола.

Но юность шутками сельчан,
 Чуть грубоватыми, задета,
 Вставала на призывы лета
 И покидала шумный стан,
 Спеша туда, где воздух прян,
 Где нет на творчество запрета.

VI.

Где нет на творчество запрета, —
 В моей негромкой стороне;
 Захочешь, — пой о старине
 Стопами строгого сонета.

Меня, рабочего поэта,
 Волнуют скирды на стерне,
 Гвоздем прибитая к стене
 В бригадном стане стенгазета...

Вот, под навесом, ряд саней
 И бесколесная карета.
 (Да, не пролетка, а карета.)
 Я помню, мы играли в ней.
 Здесь, в звонкой юности моей,
 Я знал, что песня не допета.

VII.

Я знал, что песня не допета?
 Все может быть, чего ж не знать,
 Моя молоденькая мать
 Дарила сказы мне, куплеты,

Еще – народные приметы,
 Людей учила уважать,
 Любить зверье, не обижать...
 Я берегу ее заветы.

Какая тишь в бригадном стане!
 Страда всех в поле увела.
 Уже молчат перепела.
 И мир наполнен чудесами.
 Тут мы росли и знали сами,
 Что есть у песни два крыла.

VIII.

Что есть у песни два крыла –
 Об этом нынче каждый знает.
 У нас пора была иная,
 Не так раздольна и светла.

Но мы горды: она была,
 Пора сурово-боевая!
 Сзывая и повелевая,
 Она мальчишек в бой вела.

О чудо памяти людской!
 Вдруг оживают дни другие,
 Дороги топкие лесные
 И клятвы верности мужской.
 И светлой полнятся тоской
 Края, до боли мне родные.

IX.

Края, до боли мне родные!
 Как жихарь в шапке набекрень,
 Горшком увенчанный плетень,
 И тишина, как в выходные.

В колхозной кузне позывные, —
 Струится-льется презвень:
 Кузнец обхаживает день.
 Мы побратимы фронтовые.

Я мир труда его нарушу —
 Мы вспомним быль лесных дорог,
 Конечно, выпьем тот чуток,
 Что разделяет водь и сушу.
 И, встречу очистив душу,
 Я выйду снова за порог.

X.

Я выйду снова за порог
 Российским далям удивляться,
 Чтоб не посмел он забываться,
 На детство выпавший урок.

Струится искристый поток,
 Снопы льняные золотятся.
 И сокровенные лучатся
 Слова, вплетаются в венок.

Все выше полдень. Жар сильнее
 И путь мой нынешний далек.
 На горке дремлет хуторок,
 И поясницу старец греет.
 Конца и края не имеет
 Очарование дорог.

XI.

Очарование дорог...
 Дары осенние богаты:
 Печеным хлебушком от хаты
 Пахнет невидимый дымок.

День лучезарен и высок,
 Костром сентябрьским объятый.
 К опушке вышедший сохатый
 О ствол осины чешет бок.

Остановись и подивись
 На откровения лесные.
 Земля раскрыла кладовые –
 Бери что хочешь, не ленись.
 Уходят в солнечную высь
 Просторы чистые, сквозные.

XII.

Просторы чистые, сквозные,
 Не истребленные войной
 И красоты непоказной,
 Теплом и светом налитые.

Окопов шрамы боевые,
 Тротила запах огневой –
 Они во мне. Они со мной!
 А в снах погибшие – живые!

Да, славься Русь! Сынам твоим
Вставать по зову не впервые
На битвы правые, святые.
Прикажешь – встанем, защитим
И вздох последний отдадим
Тебе, земле моей, России.

XIII.

Тебе, земле моей, России,
Судьба моя и жизнь моя.
В деревню ль наезжаю я,
Иду ль в кварталы городские –

Повсюду ждут меня родные
Разноплеменные друзья.
Привет их скромного жилья
Милей, чем почести любые.

Пусть скоротечны наши годы,
И мой придет когда-то срок,
Но знаю я – мир не жесток:

В нем вечен высший культ Свободы!
Вам, вспоминающим походы,
Я посвящаю свой венок.

XIV.

Я посвящаю свой венок
И вам, торжественным и юным,
Ясноголовым, златострунным,
Чей чистый помысел высок.

Да будет мир, а не мирок
В свершеньях ваших многодумных,
И на земле, и в даях лунных,
В пыли космических дорог.

Мечта, что долго мной владела,
Сегодня песней ожила
И по России повела.

И вновь дорогам нет предела
И бабье лето не отпело:
Сегодня даль светлым-светла!

XV.

Сегодня даль светлым-светла.
Все это праздник – бабье лето:
Купель торжественного света,
Печаль прощального тепла.

И память снова ожила,
Где нет на творчество запрета.
Я знал, что песня недопета,
Что есть у песни два крыла.

Края, до боли мне родные!
Я выйду снова за порог,
Очарование дорог –

Просторы чистые, сквозные.
Тебе, земле моей, России,
Я посвящаю свой венок.